

Тапочки Абсурда

Любовь Кошкина

Любовь Кошкина
Тапочки Абсурда

«Автор»

2025

Кошкина Л.

Тапочки Абсурда / Л. Кошкина — «Автор», 2025

Тапочки абсурда — сборник историй, где привычное тихо сдвигается с места и, не шумя, становится невероятным. Здесь тапочки — не обувь, а способ передвижения между этажами реальности: из кухни в космос, из очереди в оркестр, из шкафа в обстоятельства. Абсурд здесь мягкий, домашний: он шуршит по паркету, согревает ступни, но временами обжигает пятку. Смех соседствует с щемящей тишиной, грустное светится изнутри, а невероятное оказывается единственно точным способом сказать о самом близком. Без моралей, но с узнаваемостью; без ответов, но с точными вопросами. Это приглашение пройтись по трещинам повседневности и вернуться обратно чуть другим. Для тех, кто любит лирический гротеск, тонкий юмор и короткие маршруты, по которым можно дойти до себя. Каждый рассказ — комната, где свет уже включён, и вас ждут.

© Кошкина Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

От Автора	5
«Вселенная в Пылесосе»	6
«Соня Фиалка и Наука Выживания в 7 "А"»	8
«Вафельная Философия»	10
«Наташа и Комитет Идеального Кавалера»	12
«Капли Кондиционера»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Любовь Кошкина

Тапочки Абсурда

От Автора

Дорогой читатель, странник по лабиринтам смысла! Перед тобой — Тапочки Абсурда. Не ищи в ней строгих истин или незыблемых законов. Здесь царят логика наизнанку, факты с подвохом и реальность, увиденная в кривом зеркале. Это собрание нелепостей, парадоксов и откровенной чепухи, собранной с почти научной тщательностью или её полным отсутствием.

Забудь серьёзность на пороге. Открой разум для игры. Ведь иногда самый верный путь к пониманию мира — пройти по краю бессмыслицы. Добро пожаловать в царство Абсурда!

«Вселенная в Пылесосе»

Аня стояла посреди кухни, чувствуя себя эпицентром мини-апокалипсиса. Утро началось с того, что любимая кружка, та самая, с надписью "Не трогай, а не то укушу", разбилась о кафель с трагическим звоном. Потом автобус уехал прямо перед носом, окатив ее грязной волной с тротуара. На работе шеф выдал тираду по поводу опоздания, которую можно было бы запатентовать как новое средство от депрессии, не помогающее, однако очень громкое. А теперь, вечером, сломалась молния на любимом платье, защемив кожу в самый неподходящий момент, а ужин – кулинарный шедевр под названием "Паста с надеждой и отчаянием" – пригорел с характерным запахом конца света.

Она вздохнула, глубоко, как ныряльщик перед погружением в Марианскую впадину бытовых неудач, и повернулась к мужу. Костя сидел в кресле, уткнувшись в телефон. На экране – не новости о ее крушении, а что-то невероятно важное: вероятно, лента редких видов фиалок или обсуждение достоинств новой модели пылесоса. Его лицо выражало сосредоточенный интерес. К миру вообще. К ее миру в частности – ноль.

"Костя," – начала Аня, пытаясь вложить в голос все оттенки трагедии дня, – "Ты представляешь, что сегодня случилось? Это был не день, а сплошной квест на выживание! Кружка разбилась, автобус сбежал, шеф орал, платье меня съедает заживо, а ужин пахнет тоской и гарью!"

Костя медленно поднял глаза от экрана. Взгляд его был расфокусированным, как у человека, только что вернувшегося из виртуальной экспедиции в джунгли бытовой техники. Он кивнул. Один раз. Твердо.

"Угу," – произнес он глубокомысленно. – "Пельмени на ужин были бы кстати."

Аня замерла. "Пельмени?" – мысленно переспросила она. – "Я тебе только что описала геополитическую катастрофу в масштабах личной вселенной, а ты о пельменях?!" Она посмотрела на него, ожидая хоть тени сочувствия, смеха, хоть какого-нибудь "Ох, бедняжка!". Вместо этого Костя снова погрузился в изучение, вероятно, мощности всасывания какой-нибудь инновационной турбощетки.

В этот момент что-то внутри Ани щелкнуло. Не злость, нет. Скорее, осознание абсурдности ситуации. Ее личный титан, столп ее быта, был настолько непробиваемо равнодушен, что это уже не было грустно. Это стало комично. Как плохой анекдот, рассказанный с серьезным лицом.

Она молча подошла к шкафу, где стоял их старый, верный пылесос "Тайфун-3", купленный еще в студенчестве. Взяла его. Подключила к розетке у самого Костиного кресла. И включила на максимальную мощность.

«ВВВУУУУУУУУУУЖЖЖЖЖЖЖБББУУУУУУУУУУУУХХХХХРХРХ!»

Звук был оглушительным, как рев разъяренного металлического медведя. Костя вздрогнул так, что телефон едва не вылетел из рук. Он оторвал взгляд от экрана, на этот раз по-настоящему удивленный, и уставился на Аню и на ревущий пылесос, который она деловито водила в полуметре от его тапочек.

"Ань?! Что ты делаешь?!" – закричал он, перекрывая гул.

Аня выключила пылесос. Наступила благословенная тишина. Она поставила "Тайфун" между ними, как монумент внезапно обретенного внимания.

"Я пытаюсь достучаться!" – весело объявила Аня. – "Видишь ли, Костенька, мои слова, мои крики о помощи в этом жестоком мире сломанных каблучков и пригоревшей пасты... они, похоже, обладают массой и плотностью среднестатистической пылинки. А все, что обладает массой и плотностью пылинки..." – она похлопала по корпусу пылесоса, – "...прекрасно всасы-

вается этим агрегатом. Поэтому я решила пойти кратчайшим путем: сразу транслировать свои проблемы в устройство, которое точно их воспримет. Отличная идея?"

Костя смотрел то на нее, то на пылесос, то снова на нее. На его лице медленно, как восход солнца над полем фиалок, начало проступать понимание. Потом – смущение. И, наконец, робкая улыбка.

"Ох," – сказал он, почесывая затылок. – "То есть... это был... крик души? В формате... шума?"

"Бинго!" – Аня расцвела улыбкой. – "Только громче. И с турборежимом. Ну что, воспринял сигнал?"

Костя встал, осторожно обошел пылесос и подошел к Ане. Обнял. Неловко, но искренне.

"Воспринял," – пробормотал он в ее волосы. – "Прости. Я увлекся. Эти фиалки такие редкие. А пылесос... У него действительно уникальная система фильтрации..." Он замолк, осознав, что опять уходит не туда. "Ладно. Забудь про пасту. Закажем пиццу? Самую большую. С двойным сыром. И расскажи мне все заново. Про кружку, автобус, шефа, платье. Я слушаю. Честное-пионерское. Без пылесоса."

Аня рассмеялась. Весь стресс дня растворился в этом смехе и в нелепом реве "Тайфуна-3".

"Спасибо," – сказала она, возвращая объятие. – "Но знаешь что? Я уже чувствую себя лучше. Иногда, чтобы тебя услышали, нужно не кричать, а включить правильный прибор на полную мощность. Особенно если рядом кто-то слишком увлеченно рассматривает пыль в чужой вселенной."

Они заказали пиццу. Костя на этот раз слушал, кивая и даже вставляя "Ох, вот это да!" в нужных местах. А "Тайфун-3" стоял в углу, молчаливый свидетель того, что даже самое глухое равнодушие можно победить. Не злобой, не скандалом, а шепоткой абсурда, огромной дозой самоиронии и готовностью в прямом смысле "прогудеть" проблему. Главное – найти правильную "частоту приема". И мощный пылесос.

Порой человеческое равнодушие – не злой умысел, а глухота на определенной частоте. И бороться с ней можно не только слезами или криками, но и неожиданным, даже абсурдным и ярким сигналом. Юмор и самоирония – отличные "турбошетки", помогающие "всосать" непонимание и пробиться к настоящему контакту. А принятие чужих "странностей", будь то фиалки или пылесосы, первый шаг к тому, чтобы перестать быть пылинкой в чужой вселенной и стать планетой в общей системе.

«Соня Фиалка и Наука Выживания в 7 "А"»

Соню Климову в 7 "А" звали "Фиалкой". Не из-за нежности, а потому что она предпочитала тень: библиотечные уголки, задние парты и свой маленький террариум с причудливыми жуками на подоконнике дома. Ее мир состоял из формул, книг про динозавров и тихого рисования странных, похожих на инопланетные механизмы, существ. И, конечно, из вездесущей Кати "Кликуши" Барсуковой.

Кликуша была центром шумной орбиты подружек. Ее власть держалась на остром язычке, громком голосе и умении найти самую чувствительную болевую точку. Фиалка с ее очками, тихим голосом и странными увлечениями была идеальной мишенью.

Однажды после урока биологии, когда Соня аккуратно укладывала в папку гербарий, который она собрала из редких растений с заброшенной железной дороги и бережно засушила, Кликуша "нечаянно" задела стол. Папка взлетела в воздух и драгоценные засушенные цветы рассыпались по грязному полу, как пестрые бабочки.

"Ой-ой-ой!" – завопила Катя с фальшивым сожалением, подхватывая один из листков. – "Фиалочка, что это? Опять свои засушенные сопли собираешь? Или это твои друзья-жуки прислали тебе букет?" Ее подружки захихикали.

Сердце Сони ушло в пятки. Обычно она бы покраснела до корней волос, сгребла бы все в охапку и убежала, слыша вдогонку смех. Но в этот раз, глядя на любимый, теперь растоптанный цветок цикория, что-то внутри не щелкнуло. Вместо слез отчаяния на глаза навернулись слезы смеха? Нет, не смеха. Абсурда.

Она медленно подняла голову, посмотрела не на злорадное лицо Кати, а чуть выше, на ее модно уложенную косу. И улыбнулась. Не слабо, а широко и заговорщически.

"Кать, ты гениальна!" – воскликнула Соня с искренним, как казалось, восхищением. Голос дрожал лишь чуть-чуть. "Я же веду секретные исследования! Это не гербарий. Это образцы внеземной флоры с планеты Заброшенная Железка! Видишь этот цикорий?" – она подняла растоптанный цветок. – "По моим данным, его сок повышает громкость голоса в три раза! Но, похоже, твои данные опережают мои. Ты уже протестировала?"

Тишина повисла густая, как библиотечная пыль. Подружки Кати перестали хихикать. Сама Кликуша замерла с полуоткрытым ртом, держа листок. Она ожидала всхлипов, бормотания, а не этого космического бреда!

"Чего?" – выдавила она, теряя привычную уверенность.

"А вот этот подорожник," – Соня подняла еще один лист, будто рассматривая его под микроскопом, – "он, по моей теории, поглощает негативную энергию. Я его специально положила в папку, чтобы он впитывал токсичные выбросы в атмосфере класса. Видимо, перегрузился бедняга, раз рассыпался. Надо будет внести коррективы в эксперимент!" Она кивнула с видом серьезного ученого, потерпевшего временную неудачу.

В классе кто-то фыркнул. Потом еще один. И вдруг раздался настоящий смех – не злой, а удивленный и веселый. Даже одна из "орбиты" Кликуши прикрыла рот рукой. Катя Барсукова почувствовала, что почва уходит из-под ног. Ее привычные дразнилки вдруг показались тупыми и бессмысленными на фоне этого безумного "научного" отчета. Как буллить того, кто живет на другой планете?

Прошла неделя.

Кликуша, конечно, не сдалась. Она поймала Соню у раздевалки перед школьным концертом. Соня, к удивлению многих, была в красивом, хоть и немного старомодном, платье в мелкий цветочек и даже собрала волосы заколкой.

"Ого, Фиалка расцвела!" – язвительно протянула Катя, блокируя проход. – "Платьишко, правда, из прошлого века. Тебе бабушка из сундука достала? Или это тоже инопланетная мода?" Ее подружки приготовились к шоу.

Соня не стала отворачиваться или прижиматься к стене. Она выпрямилась во весь свой пока еще небольшой рост (оказалось, она почти одного роста с Катей!), посмотрела Кате не в глаза, а чуть выше, на лоб – этот взгляд "сквозь" всегда сбивал Кликушу с толку. И улыбнулась своей тихой, загадочной улыбкой.

"Катя, знаешь, я тут подумала," – начала она спокойно, будто обсуждая погоду. – "Ты тратишь столько сил и времени на мои гербарии и платья. Это, конечно, лестно, твое внимание к науке и моде. Но, может, тебе лучше эти силы направить на что-то полезное? Например, помочь мне с проектом по спасению жуков-олений в школьном саду? Или..." – Соня сделала паузу, ее глаза лукаво блеснули за стеклами очков, – "...или ты боишься, что мои исследования инопланетного подорожника действительно работают, и он поглотит твою креативную энергию?"

Катя Барсукова замерла. На ее лице отразилась целая гамма чувств: злость, непонимание, растерянность и тень сомнения. "Отвяжись!" – буркнула она, но уже без привычной злости, а скорее с досадой, и отступила. В ее голосе не было прежнего триумфа. Было ощущение, что она только что наступила в лужу абсурда.

Соня прошла в зал, держа спину прямо. Кликуша не стала ангелом. Иногда она еще бросала в сторону Сони язвительные замечания. Но фокус сместился. Энергия нападения иссякла. Теперь, когда Катя начинала свое "Фиалочка...", кто-нибудь в классе неизменно подхватывал: "Осторожно, Кать! Подорожник-то у нее в кармане!" Или: "Это не платье, это скафандр для контакта!" Смеялись уже не над Соней, а над самой ситуацией и над беспомощностью Кликуши перед этой странной, неуязвимой девочкой с другой планеты.

А Соня Фиалка поняла главное: ее сила была не в том, чтобы стать громче или злее. Ее сила была в ее тихом мире формул, жуков и смешных рисунков. В умении видеть абсурд в чужой злобе и отвечать на нее своей, особенной, научно-фантастической реальностью. И главное – никогда не давать им понять, что их слова могут по-настоящему ранить. Ведь если ты веришь, что изучаешь инопланетный цикорий, то какие уж тут земные обиды?

«Вафельная Философия»

Солнечный луч, как наглый кот, устроился прямо на столике Эльвиры Петровны, известной в узких кругах (очень узких) писательницы философских романов. Перед ней дымилось произведение кулинарного искусства под скромным названием "Средиземноморский Рассвет": шпинатные вафли, увенчанные нежной тресковой спинкой, а на самой вершине этого гастрономического Эвереста восседало, как коронованная особа, идеальное яйцо пашот.

Эльвира Петровна закрыла глаза, вдыхая аромат. Не моргнув глазом, она вооружилась вилкой и начала с вершины. Точный удар – и золотистый желток пашот радостно хлынул, как литературная метафора, на тарелку. Писательница зажмурилась от удовольствия. Потом, игнорируя вафли и шпинат, переключилась на нежные кусочки рыбы. Следом исчез шпинат. И лишь под финал, смакуя каждый хрустящий уголок, она принялась за самую шпинатную вафлю. Лицо ее выражало блаженство гастрономического экстаза. "Восхитительно!" – прошептала она, мысленно отмечая, что последовательность – ключ к истинному наслаждению, как и в хорошей сюжетной линии.

Именно в этот момент у ее столика материализовался Артем. Артем был Послом Шефа, Рыцарем Гастрономической Истины. Он наблюдал за трапезой Эльвиры Петровны с нарастающим ужасом, как будто видел, как кто-то читает "Войну и мир" с конца книги и перевернув ее.

– Простите, пожалуйста! – воскликнул он, не в силах сдержать священный гнев. Его голос дрожал, как у критика, обнаружившего клише на первой странице. – Вы... вы едите не так!

Эльвира Петровна подняла бровь, медленно доедая кусочек вафли.

– Не так? – переспросила она спокойно, вытирая уголок рта салфеткой. – Судя по моим вкусовым рецепторам, все очень даже "так".

– Но Шеф! – Артем зашелся. – Шеф задумывал иной путь! Сначала вы должны пронзить вилкой яйцо пашот, чтобы желток смешался с соусом на рыбе! Потом – взять кусочек рыбы вместе с пропитанным желтком шпинатом! И только после этого, как финальный аккорд, отломить кусочек вафли, чтобы обмакнуть его в этот божественный микс! Это единственный способ ощутить всю гармонию, всю глубину замысла Шефа! Вы... вы разрушаете симфонию!

Эльвира Петровна отложила вилку. Она посмотрела на Артема не гневно, а с внезапным пониманием и легкой, едва уловимой насмешкой в уголках губ. Она откинулась на спинку мягкого дивана, приняв позу, достойную королевы.

– Дорогой Артем, – начала она, и голос ее зазвучал мягко и с непоколебимой уверенностью. – Вы только что описали мне идеальную метафору моей собственной профессии.

Официант замер, явно ожидая жалобы, а не литературной лекции.

– Видите ли, – продолжила Эльвира Петровна, – я пишу книги. Романы. Полные символов, многослойных смыслов, тщательно выстроенных сюжетных арок. Я вкладываю в них душу, замысел, ту самую "гармонию", о которой вы говорите. Я знаю, как их надо читать, чтобы понять все глубины. – Она сделала паузу для драматического эффекта. – Но знаете что? Мои читатели... Они читают их не так.

Артем моргнул, сбитый с толку.

– Как... не так?

– Абсолютно! – Эльвира Петровна кивнула с мудрой грустью. – Кто-то начинает с середины. Кто-то пропускает "скучные" философские монологи. Кто-то видит в главном герое злодея, хотя я задумывала его трагическим антигероем. Кто-то вообще считает ключевой символ моей книги – старую чайную чашку – обычной чашкой! – Она вздохнула. – Один рецензент написал, что мой "глубокий символизм" стоит трех копеек. Трех копеек, Артем!

Официант невольно улыбнулся.

– Но означает ли это, – продолжала писательница, ее голос зазвенел чуть громче, – что я – плохой автор? Что мои книги – провал? – Она посмотрела прямо в глаза Артему. – Нет. Это означает лишь то, что у каждого читателя – свой взгляд. Своя дорога через текст. Своя последовательность восприятия. И если им при этом было интересно, трогательно, смешно или грустно... если они получили свое наслаждение от книги, даже не следуя моему "замыслу"... – Она указала вилкой на свою тарелку с остатками желтка и крошками вафли. – ...то разве это плохо? Разве я должна требовать от них читать строго по главам, без пропусков, с пометками на полях? Вот и с этим восхитительным "Рассветом"... – Она обвела тарелку вилкой. – Я ела его в своей последовательности. Яйцо, шпинат, рыба, вафля. И мне... – она подчеркнуто положила последний кусочек вафли в рот и с наслаждением прожевала, – ...было невероятно вкусно. Я почувствовала свою гармонию. Может, не ту, что задумал ваш шеф, но – свою. И это главное, не правда ли?

Артем стоял, словно громом пораженный. Его гастрономическая догма трещала по швам. Он посмотрел на пустую тарелку, на довольную писательницу, на солнце, которое теперь казалось смеющимся.

– Э-э... – выдавил он. – То есть вафлю можно есть в конце? Самостоятельно?

– Можно, Артем, – улыбнулась Эльвира Петровна, допивая свою кофейную пенку, как финальную страницу. – Иногда самостоятельная вафля – это и есть самый сладкий финал. Или начало новой главы. Зависит от точки зрения. Принесите, пожалуйста, счет. И передайте мои комплименты шефу. Блюдо – вдохновляющее. В любом порядке.

Артем молча удалился, пошатываясь от новой, неудобной, но вдруг такой освобождающей мысли: может, посетители имеют право на свою гастрономическую интерпретацию? Он ушел, бормоча что-то про "читателей" и "вафли". А Эльвира Петровна, допивая кофе, уже придумывала новую сцену для книги – про официанта, который слишком серьезно относился к яйцам пашот. Это будет смешно. И очень вкусно.

«Наташа и Комитет Идеального Кавалера»

Наташа была девушкой обаятельной, умной и постоянно в поиске. Не себя она искала, собой она как раз была довольна. Ее поиск был направлен исключительно на мужскую половину человечества, точнее, на ту ее часть, что пыталась завоевать ее сердце. Проблема была не в отсутствии кандидатов – их было как мошки после дождя. Проблема была в их не идеальности.

Артем был умен как Сократ, мог цитировать Камю за завтраком, но носил носки с сандалиями. Носить носки с сандалиями в 2025-м! Это же преступление против эстетики! – думала Наташа, морща носик.

Денис танцевал как Цискаридзе, сводил с ума на танцполе, но при виде ее кошки, графа Мурлыкина, впадал в ступор и начинал чихать так, будто пытался запустить реактивный двигатель. Аллергия? На котиков? Ну нет, это несовместимо с жизнью!

Вадим писал ей стихи, такие трогательные, что даже Мурлыкин мурлыкал громче, но при этом был настолько рассеян, что мог прийти на свидание в разных ботинках. Он даже не заметил? Как с таким вообще Землю не потерять?

Игорь - романтик, мечтатель, обожал походы и звезды, но его борода... Борода была таким же диким, неподконтрольным существом, как йети. Целовать его – все равно что нырять лицом в гнездо диких пчел! Максим строил глазки, как голливудский герой, и готовил как шеф-Мишлен, но его коллекция фигурок супергероев занимала целую комнату и, кажется, размножалась ночью. Он всерьез обсуждает достоинства пластикового Человека-паука за ужином!

Наташа металась. Она составляла таблицы в Excel: «Плюсы», «Минусы», «Коэффициент Совместимости с Мурлыкиным». Она проводила ночи, листая их сообщения и фотографии, вздыхая то над остроумием Артема, то над кулинарными шедеврами Максима, то содрогаясь от носков Артема или бороды Игоря. Она похудела на три килограмма от нервов и перестала замечать, что Мурлыкин начал смотреть на нее с укоризной, как на нерадивую мышеловку.

И вот однажды, за десертом в кафе с видом на вечно ремонтирующийся фонтан, ее подруга Алина, наблюдая, как Наташа в сотый раз перебирает на телефоне фото кандидатов, взорвалась:

«Наташ, ну хватит! – Алина стукнула ложкой по блюдцу так, что даже сонный официант вздрогнул. – Ты себя изводишь! Ты как та белка в колесе, только вместо орехов – мужчины с недостатками!»

Наташа взглянула на нее большими, несчастными глазами: «Но они все не идеальны! В каждом есть свой минус!»

Алина закатила глаза: «Идеальных людей не существует, дурочка! Ты ищешь единорога в мире ослов. Да, ослов разной степени привлекательности и умения готовить, но ослов! Прошлое – твои эти бесконечные сравнения и придирки – оно тебя съедает! Оно не должно определять твое будущее! Хватит мучить себя и этих бедолаг! Выбери того, с чьими минусами тебе легче всего жить, или отпусти всех и иди в монастырь к котам! Но решай уже!»

Фраза «Прошлое не определяет будущее» прозвучала для Наташи как откровение. Но поняла она ее своеобразно. Ее мозг, измученный таблицами Excel и анализом бород, выдал абсурдное решение: если прошлое в лице всех этих мужчин мешает, его нужно не отпустить, а улучшить! Создать новое! Идеальное!

Наташа пропала на неделю. Отключила телефон. Не отвечала на сообщения ни Алины, ни кавалеров. Все решили, что она наконец уехала в тот монастырь к котам.

Каково же было всеобщее изумление, когда в следующую субботу Наташа появилась в том же кафе, но не одна. Рядом с ней сидели десять абсолютно одинаковых мужчин. Нет, не близнецов. Они были идеальной копией!

Все танцевали как Денис, но при этом гладили Мурлыкина, который сидел на соседнем стуле и блаженно мурлыкал, не чихнув ни разу. Это были не Артем, не Денис, не Вадим и не кто-либо еще из ее списка. Это был Артем-Денис-Вадим-Максим-Игорь. Каждый из десяти взял от каждого по самой лучшей черте. Каждый был остроумен как Артем, но носил стильные лоферы без носков.

Они писали трогательные стихи как Вадим, но при этом были собраны и внимательны – их одинаковые ботинки блестели безупречно.

Каждый строил глазки и готовил как Максим, но их единственным хобби было восхищение Наташей. Никаких фигурок.

В каждом жил романтик как Игорь, но их лица украшала аккуратная, модельная щетина, которую приятно было целовать.

Они сидели в идеально одинаковых костюмах, с идеально одинаковыми улыбками и смотрели на Наташу с идеально одинаковым обожанием. Они говорили хором, заканчивая друг за другом фразы: «Наташа, ты сегодня...» – «...лучезарна как...» – «...утреннее солнце...» – «...и мудра как...» – «...Сократ!» (все десять).

Алина, пришедшая на встречу с подругой, остолбенела. Официант уронил поднос. Мурлыкин перестал мурлыкать и смотрел на десятерых двойников с кошачьим подозрением.

«Наташ... – прошептала Алина. – Это... это кто? И... зачем их десять?»

Наташа сияла: «Ты была права, Алина! Прошлое не должно определять будущее! Я не стала его отпускать, я его прокачала! Синтезировала идеал! Взяла лучшее от каждого! А десять сделала на случай, если один сломается. Или захочет в туалет. Всегда должен быть идеальный дублер!»

Абсурдность ситуации достигла космических масштабов. Десять идеальных клонов начали наперебой предлагать Наташе десерт, идеально синхронно двигаясь. Один подал меню, другой описал преимущества тирамису, третий – чизкейка, четвертый поправил ей салфетку. Это была слаженная машина обожания. Но это была машина. Без искры спонтанности, без глупых шуток, без нелепых носков или неожиданного чиха. Без жизни.

Наташа вдруг почувствовала тоску. Давление. Идеальность душила. Ей захотелось, чтобы кто-нибудь надел носки с сандалиями и рассмешил ее до слез. Или чтобы кто-то чихнул на Мурлыкина и извинялся потом трогательно-нелепо. Чтобы кто-то подарил ей кривоватую фигурку, сделанную своими руками, и смущенно объяснял, почему именно Человек-паук напоминает ему о ней.

Она посмотрела на своих идеальных дублеров. На их одинаковые улыбки. На Алину, которая смотрела на нее с немим вопросом и сочувствием. На Мурлыкина, который презрительно отвернулся от клонов и умывал лапу.

Вдруг один из клонов чихнул. Совсем чуть-чуть. Наверное, пылинка попала. Остальные девять тут же повернули к нему головы с идеально синхронным выражением укора. Чихнувший клон смутился, его идеальная улыбка дрогнула.

И Наташа рассмеялась. Сначала тихо, потом все громче, пока слезы не потекли по щекам. Она смеялась над абсурдом, над своей глупостью, над давлением собственного перфекционизма.

«Вот видишь! – воскликнула она сквозь смех, обращаясь к Алине и указывая на смущенного клона. – Он же чихнул! Он неидеален! Система дала сбой!»

Этот маленький, незначительный чих стал катализатором. Один клон вдруг неловко потянулся за сахаром и опрокинул стакан. Вода потекла на идеальные брюки другого. Тот вскрикнул совсем неидеально. Третий попытался помочь и запутался в ногах четвертого. Пятый засмеялся слишком громко. Идеальная машина начала разваливаться на глазах, превращаясь в комичный хаос неловких движений, несинхронных возгласов и попыток вытереть воду салфетками, которые почему-то все время рвались.

Наташа перестала смеяться. Она встала, подошла к Алине и обняла ее. Мурлыкин мотнул головой, как бы говоря: «Ну наконец-то!»

«Ты была права, Алин, – тихо сказала Наташа, глядя на разворачивающийся фарс. – Не в том смысле, что нужно было клонировать... А в том, что прошлое – это опыт, а не приговор. А будущее... оно должно быть живым. С чихами, с носками в сандалиях, с глупыми коллекциями и неуклюжими стихами. С не идеальностью».

Она повернулась к своим разваливающимся клонам: «Спасибо, ребята. Вы были слишком идеальны. Но мне это не подходит. Вы свободны. Идите и найдите своих неидеальных Наташ».

Клоны, перестав быть идеальными, обрели индивидуальность. Они переглянулись, кто-то пожал плечами, кто-то улыбнулся по-настоящему, кто-то все еще пытался вытереть пятно. Потом они молча разошлись. Каждый в своем направлении. Один пошел в книжный, другой – в спортзал, третий заинтересованно смотрел на витрину с фигурками супергероев.

Наташа вздохнула с облегчением. Она была одна. Но она больше не чувствовала давления выбора. Она чувствовала свободу. Свободу ошибаться, свободу выбирать того, кто нравится, несмотря на его «минусы», свободу быть неидеальной самой.

«Так... – сказала она Алине, подбирая Мурлыкина. – Пошли домой? А потом может, позовем того рассеянного Вадима? Он обещал показать мне новые стихи. Говорит, написал о коте и потерял рукопись по дороге. Интересно, где он ее найдет на этот раз?»

Алина улыбнулась: «Ну вот, прогресс! А насчет стихов – держи салфетку. На всякий случай. Мало ли что он найдет вместо рукописи».

Наташа рассмеялась снова. На этот раз легко и свободно. Она шла домой, неся Мурлыкина и ощущая странную, новую для себя мысль: быть может, самое поучительное в этой абсурдной истории было не то, что она сделала, а то, что она наконец поняла – погоня за идеалом часто ведет в тупик, а счастье иногда скрывается в умении смеяться над носками в сандалиях и ценить человека за его настоящие, пусть и несовершенные, черты. И главное – ее собственное прошлое больше не диктовало ей, как должно выглядеть будущее. Оно освободило ей место для него. Даже если это будущее пахнет кошачьей шерстью и потерянными стихами.

«Капли Кондиционера»

Капли кондиционера падали на Герасима с монотонным, раздражающим звуком. Кап. Кап. Кап. Каждая – как удар крошечного молоточка по натянутым нервам. Он смотрел на пустой стол напротив. Там, за перегородкой, еще вчера сидела Марианна. Теперь там только ровная поверхность, лишенная даже пылинки – уборщица постаралась. Пустота была оглушительной.

Герасим всегда считал себя человеком твердых принципов. Хороший отец двоим детям. Надежный муж, пусть и брак давно превратился в удобное, привычное сосуществование. Работа в бухгалтерии крупной фирмы была его надежной гаванью: цифры подчинялись логике, отчеты сходились, все было предсказуемо. До появления Марианны.

Она пришла полгода назад – помощницей в их отдел. Молодая, с неловкой улыбкой и слишком живыми глазами, которые заглядывали куда-то вглубь, будто искали чего-то важного. Ее неуверенность была почти физически ощутимой, как тонкая паутинка. И именно она, эта уязвимость, пронзила Герасима неожиданным, острым током. Влечение. Неудобное, жгучее, совершенно невозможное. Оно пугало его своей силой и инаковостью.

«Так нельзя, – сурово сказал себе Герасим. Я не хочу. Я не предаю.» Но запретный плод манил, а страх перед собственными чувствами искал выход. Выход нашелся парадоксальный и подлый. Если нельзя желать, можно презирать. Если нельзя быть рядом, можно оттолкнуть. Так легче. Так безопаснее для его хрупкого мира.

Сначала это были «безобидные шутки». «Ой, Мариш, опять отчет как курица лапой писала?» – бросал он громко, чтобы слышали соседи. Она краснела, опускала глаза, бормотала извинение. Ее смущение, вместо того чтобы охладить, лишь подстегивало его. Это был странный кайф – видеть, как она вздрагивает от его голоса, как старается стать невидимкой.

Шутки быстро переросли в колкие замечания. «Ты вообще в школе училась? Или только на красоту надеялась?» – шипел он, возвращая ей документ с нарочито грубыми пометками красной ручкой. Он ловил ее заплаканные глаза в туалете, слышал, как она срывающимся голосом говорит по телефону с подругой: «Он люто ненавидит меня, не знаю за что!» Герасим в эти моменты чувствовал не раскаяние, а жгучую, пьянящую власть. Он контролировал ее эмоции. Он был важен для нее, пусть и таким извращенным способом. Это было лучше, чем признать томительное, сладкое безумие влечения.

Кап. Кап. Кап. Кондиционер продолжал свою пытку. Герасим потянулся к кофе, но рука дрогнула. Всплыл вчерашний день.

Марианна принесла важный договор. Он, уже по накатанной, начал разносить ее в пух и прах, указывая на мелкую опечатку как на доказательство ее тотальной некомпетентности. Но что-то в этот раз было иначе. Она не опустила взгляд. Не заплакала сразу. Она стояла, бледная как стена, и смотрела на него. В ее глазах была не привычная боль, а какая-то ледяная пустота, страшнее слез.

«Вы закончили, Герасим Петрович?» – спросила она тихо, но так, что его коллеги за соседними столами замерли. В ее голосе не было ни страха, ни злости. Только мертвенная усталость.

«Закончил? Да я только начал!» – рывкнул он, чувствуя, как привычная злоба накрывает с головой, заглушая панический шепот совести. «Ты вообще понимаешь, что из-за таких, как ты...»

Он не успел договорить. Марианна медленно повернулась и пошла к окну. Огромному, панорамному, от пола до потолка. Она подошла вплотную, положила ладонь на холодное стекло. Вечернее небо за окном было кроваво-багровым.

Тишина в отделе стала абсолютной. Герасим замер, внезапно осознав, куда смотрит ее пустой взгляд. Не на улицу, а вниз. В двадцатипятиэтажную бездну. Сердце его бешено заколотилось, в горле пересохло. Он хотел крикнуть, схватить ее, но ноги стали ватными, язык прилип к нёбу. Эта секунда растянулась в вечность. Он увидел, как ее плечи содрогнулись в беззвучном рыдании, как она прижала лоб к стеклу.

«Марианна!» – наконец сорвался хриплый вопль начальника отдела, вскочившего со своего места. Его голос словно сбросил ее с края. Она резко отшатнулась от окна, обернулась. В ее глазах мелькнул дикий, животный ужас – не перед Герасимом, а перед тем, что она едва не сделала. Она бросилась прочь из отдела, даже не взяв сумку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.